

8. АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1734. № 10.
9. Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы. М., 1958.
10. Петрухинцев Н. Н. Опальный фельдмаршал // Родина. 1993. № 12. С. 36–37.
11. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 8.

ИЗОБИЛИЕ РЕСУРСОВ КАК ОДНА ИЗ ЧЕРТ ФРОНТИРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ АМУРСКОГО КРАЯ И НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)¹

Мещеряков Александр Юрьевич,
*студент исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

В начале XIX века р. Амур и прилегающие к ней территории рассматривались, как исходная точка русского влияния и значения на Востоке.

При разнообразии мнений все писавшие о новой российской политике на Дальнем Востоке сходились в одном – при соблюдении определенных условий Россию на Дальнем Востоке ожидает великое будущее. И прямой путь к этому будущему – р. Амур. В основе данных мнений имелась убежденность, что центр мировой экономической и политической активности со временем переместится в Азиатско-Тихоокеанский регион [12, с. 206-240]. Достаточно вспомнить известную сентенцию М.В. Ломоносова о том, что «российское могущество прирастать будет Сибири».

По мнению многих российских историков, определенные тенденции развития России определялись колонизацией Сибири. Исторический процесс на прилегающих территориях р. Амур привел к тому, что по обеим берегам сложились, новые культурно-исторические общности, новые экзистенциальные нормы, новая гибридная культура, отличительная от мейнстримного общества.

Нашей целью в данной статье является рассмотреть фронтир с точки зрения изобилия ресурсов. Феномен фронтаира имел особое место в Сибири на Амуре, а также на Юге России в Нижнем Поволжье. Помимо этого, очень продуктивно этот термин использовался российскими учеными по отношению к контактной территории в Сибири. Методологией данного исследования является, прежде всего, сама фронтирная теория. Изучение территории с точки зрения фронтирной теории позволяет использовать многочисленные методологические наработки американской истории и антропологии применительно к истории России.

Фронтир – это и сама граница, и то, что находится за ней. Фронтир является историческим процессом и одновременно определенным пространством, отличное от пространства основного – метрополии [20, с. 7-32]. В течении многих веков интенсивные межкультурные коммуникации являлись прерогативой фронтирных территорий, где сталкивались люди разной этнической принадлежности. Кросс-культурные отношения на фронтире, представлявшем собой территорию подвижной границы, отличаются особой спецификой и сложностью. Под фронтиром понимается особая система межкультурных коммуникаций, которая возникает на пространстве соприкосновения различных культур [13, с. 266-271]. Изобилие ресурсов делает фронтир притягательным для различных этнических групп, стремящихся освоить эту территорию [22, с. 4-15].

Колонизация новых земель в Сибири проходила очень активно, зона вновь колонизируемых земель постоянно сдвигалась. Возникали новые форты, поселения, города и др. Приходили новые волны переселенцев, которые стремились дальше, в сторону необжитых земель. Это явление характеризуется как «подвижная граница». Заметим, что в историческом процессе территория остается неизменной, но фронтир меняется, один перестает существовать, а ему на смену приходит другой [21, с. 73-81]. Тёрнер обращает внимание на то, что «несмотря на среду и обычаи, каждый фронтир создавал новое поле возможностей, ворота ухода от уз прошлого» [14, с. 40]. Новые территории и фронтирные земли представляют возможность начать с нуля, согласно определенному плану [18, с. 261-266].

На протяжении долгой истории можно выделить периоды, в которых на р. Амур происходило соприкосновение и смешивание двух и более разных по развитию культур. Такие локальные точки напряженности зачастую имели довольно большую временную протяженность (от нескольких десятков лет до нескольких веков) и охватывали согласно географических и этнографических данных Амурский край – пространства, находящиеся по р. Амур и ее притокам, а также побережья Охотского и Японского морей.

Нижнее Поволжье представляет собой уникальный регион, характеризующийся особым природным и культурным своеобразием. После падения Казанского и Астраханского ханств (1552-1554 гг.) Среднее Поволжье и Нижняя Волга перешли под контроль России. В результате этих действий в состав России вошла огромная территория, которая лишь номинально стала русской, так как у Москвы не было возможностей ее контролировать в полной мере [23, с. 109-115]. Во конечном итоге Нижневожский фронтир России в XVI – XVII вв. представлял полосу фортов, призванных контролировать эту территорию [19, с. 419-422]. Как нам кажется, в Поволжье возникла ситуация, близкая к ситуации в Амурском крае.

В истории российско-китайский фронтир не только определялся заключенными договорами, но и наличием особых ресурсов (особой экономикой), особым образом жизни, политико-экономическим взаимодействием и мн. др.

¹ Статья выполнена при поддержке РФФИ 17-33-01069 «Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации».

Амурский край представляет собой уникальный регион, где на протяжении многих веков сосуществовали и смешивались самые разные народы и культуры. Начиная с глубокой древности Амур в силу своего уникального расположения и географического разнообразия привлекал к себе разные народы севера. Формы межкультурной коммуникации различных этнических групп были самые разные: торговля, натуральный обмен, военные конфликты и мн. др.

Фронтир начинается там, где есть возможна добыча дополнительных ресурсов. Так, например, тяга северных племен – тунгусов в долину Амура и далее на юг была вполне естественной. Там было больше возможностей для развития хозяйства, там было лучше выживать, чем в тайге. О наличии такой тяги с севера на юг свидетельствуют также и археологические памятники, и позднейшая история, согласно этнографическим данным. В неолите отмечается экспансия северных племен по направлению к Гоби и далее, к району, где позднее была воздвигнута для защиты первых государств Китая от варваров Великая Китайская стена – «Каменный дракон» [10, с. 296].

Межкультурная коммуникация русских с местными народами Амурского края началась еще за два столетия [16, с. 80]. Из Якутска отправлялись первые землепроходцы для поиска «новых земель» в южном направлении, продвигаясь вверх по течению притоков Лены – Олекмы и Витима. От коренных жителей этих районов эвенков и кочевых дауров русские получили первые сведения о громадной реке Шилкар, или Чиркола (Амур), текущей на восток через районы, заселенные оседлыми даурами, монгольскими племенами, земледельцами и скотоводами, которые проживали в больших селениях [15, с. 259]. Амур – это череда лагун, болот, ручьев, буйков и островов, которые по воде преодолевали русские колонисты. Помимо этого, естественные преимущества этой территории – изобилие полезными ископаемыми, наличие большого количества древесины и миллионы гектаров пахотных земель и пастбищных угодий [2, с. 377].

Русские и представители их историко-культурных (дальневосточные казаки), конфессиональных групп (старообрядцы) и других локальных образований являются основным субъектом аграрного и промышленного освоения дальневосточных территорий [5, с. 70-90]. Походы русских казаков и промышленников в Амурский край в XVII в. распространились на весь Амур, до его устья, и на смежное с ним побережье Охотского моря и привели к основанию во многих местах временных зимовок, земляных укреплений, деревень и города Албазина на верхнем Амуре [16, с. 80]. Эти поселения (зимовье, острог и город) становились административными центрами колонизируемых территорий, куда свозилась меховая дань с обьясаченных аборигенных племен и где взималась пошлина с добывавших и скупавших меха колонистов [6, с. 140-147]. На Амур первыми шли служилые люди, главной чертой характера была забота об общероссийской выгоде. Одним из первых посетил Даурию «промышленный человек» Аверкиев. Он добрался до места слияния Шилки и Аргуни, где начинается р. Амур. Местные жители осуществляли меновую торговлю с Аверкиевым, обменивая его товары – мелкий бисер и железные наконечники для стрел – на соболя [15, с. 259]. Вслед за казаками и промышленниками, пионерами в заселении и хозяйственном освоении Амурского края были крестьяне.

В Сибири, как и в США первые волны фронта были трапперскими и торговыми, за которыми шли шахтерский, скотоводческий и фермерский (земледелие) [22, с.4-15]. Амур притягивал русских землепроходцев рассказами о «серебряной горе» Оджал, впервые услышанными казаками отряда Копылова Д.Е. в 1638 г. от эвенского шамана Томкони. Сведения о «серебряной горе» еще раз встречаются в 40-е годам XVI в. в речах аборигенов, побуждая всякий раз русских к новым опасным предприятиям. Месторождения серебряных руд крайне интересовали власть Москвы как источники дефицитного сырья для чеканки монеты [9, с. 11]. Русскому первопроходцу В.Д. Пояркову, отправившегося в 1643 г. в Приамурье, были поручены «прииск вновь неясачных людей», сбор ясака, а также поиски месторождений серебра, меди и свинца, по возможности, организация добычи руд и выплавки ценных металлов [15, с. 260]. Сбор ясака являлся одним из важнейших ресурсов при начальном освоении Сибири, можно сказать, что сыграл решающую роль в колонизации. «Это была та притягательная сила, которая побудила Московское правительство перейти за Урал и оккупировать всю территорию к востоку от него до Тихого океана» [7, с. 3]. По «Описанию новья земли, сиречь Сибирского царства» прекрасно видно, насколько хорошо к 80-м годам русским людям были известны ресурсы берегов Амура: «Степные пахотные, добрые хлебородные земли, черностию земля в человеческий пояс. Да на тех же степных местах многие соляные самосадные озера... И та земля зело добра, понеже изо всех государских Сибирских городов на той Даурской земли всякой хлеб родится: рож и яровой из единой меры родится; а по великой реке Амуре по берегам и по островам сам собой виноград растет кроме человеческого труда; в великой реке Амуре против Албазинского острога и вниз по тому ж рыб: белуг чистых, больших калужек, осетров, стерляди, сазанов и всякой мелкой бесчисленно много, и всякие бесчисленные ягоды родятся, иные же им имени не знати...» [4, с. 18-19]. В 1696 г. по царскому указу русским картографом С.У. Ремезовым была составлена карта Сибири с изображением районов сбора ясака, а также с расположением врагов, нарушающих порядок [3, с. 41-56].

Согласно географическим данным Амурский край очень богат разного рода металлами и минералами [17, с. 62]. Не случайно, русское правительство особенно интересовало на амурском фронтире такой эквивалент богатства, как золото, серебро, драгоценные камни, «различное узорочье», железо, медь и мн. др. Поиски рудных ископаемых велись в XVII в. по всей Сибири и уже тогда положили начало сибирской горнорудной промышленности. Активно развивался пушной промысел в Приамурье, который приносил значительную прибыль [4, с. 35]. Сибирский фронтир изначально привлекал первопроходцев ценным ресурсом – мягким золотом (пушницей), или, как его называли на Руси, – мягкая рухлядь. Добыча пушницы на фронтире была рискованна, однако приносила огромные прибыли и могла легко обогатить человека. Пушной промысел в Сибири продолжал играть важную роль в середине XIX в. [22, с. 4-15]. Не случайно, казаки собирали дань с местного населения (бурятов, тунгусов) в виде пушницы, в основном собольим мехом [8, с. 20-24].

Примечательно, что торговля пушниной и кожами осуществлялась и на другом российском фронтире – Астрахани. На Нижней Волге велась самая разнообразная торговля со странами Востока, причем не только транзитная торговля, но и торговля кожаными и шерстяными изделиями собственного производства. Вместе с тем, на земном шаре остается еще множество мест, где промысел животных (меха, кожи и т.д.) играет важную роль в региональной экономике. Особую статью доходов как в Сибири, так и на Нижней Волге составляли ловчие птицы, продажа которых, особенно иностранцам, регламентировалась особыми законами. Соколов, ястребов, беркутов и другую ловчую птицу запрещалось продавать на вывоз в Персию, Среднюю Азию и другие страны до XIX в. Подобная птица входила в число царских подарков во время посольств в страны Востока, и чтобы не снижать ценность дара, подносимого иностранному правителю от русского царя, продажа ловчих птиц за рубеж была строго ограничена.

Особым ресурсом фронтирных территорий считают рыбные запасы, особенно редких и ценных пород [22, с. 4-15]. Амур и Нижняя Волга в плане рыбных запасов и возможности выжить, прокормить себя воспринимались как территории изобилия.

Обратим внимание, что до образования официальной границы между Россией и Китаем династия Цин стремилась сохранить лояльность северных народов, потому что территориальное определение Китая зависело от того, кому будут подчинено местное население. И Россия, и Цинская империя постоянно требовали от местных народов меха и мн. др. прибыльные товары, а также распределяли свои материальные стимулы для их подчинения. Цинский центр попытался уменьшить и постепенно устранить внутренних границ на севере путем установления дипломатических отношений с некоторыми из местных народов и ослабить российское влияние. Поселения народов Амура были организованы как деревни, населенные одним или несколькими кланами. Некоторые из этих этносов считаются предками групп, которые в настоящее время признаны Китаем как «национальности» – Даур (Дауре), Хедже (Нанай), Орочен (Орчень) и Сибэ (Сив). Российское понимание коренных народов и их потенциальная полезность в качестве посредников и подчиненных появилось в конце XVI в. [1, с. 169-202].

На Амуре китайцы занимали в основном обширный и плодородный Сунгарийский край. Китайская колонизация Сунгарийского края началась более 300 лет назад. После завоевания Китая маньчжурами, потоки китайских колонистов распространились не только на ближайшую провинцию Ляодун, но и на всю центральную Маньчжурию и приморские ее части. В отношении плотности китайского населения являлись также р. Муданьцзян. Здесь китайцы расселялись исключительно по правому берегу, более пригодному для хлебопашества, отсюда же они отправлялись на ближайшие золотые прииски и занимались другими промыслами [16, с. 61-65]. Еще до 1653 г. в г. Нингута существовала цинская военная администрация, в обязанности которой входило: охрана подвластных территорий и поддержание порядка; сбор ясака на подвластной территории; коммуникация периферии с центром и др. [11, с. 109-121]. Нингута был фронтирным городом и выступал в роли центра колонизации Северного и Южного Приамурья маньчжурами. Цинскую династию, как и многие династии Китая, можно смело назвать пограничной – империей фронта.

В свою очередь, колонизация Амура Россией в своей перспективе определяло становление там более высокого уровня общественных и экономических отношений. Русские переселенцы – трудовое крестьянство, поселялись бок о бок с аборигенами, вели активную межкультурную коммуникацию, прививали им новые, прогрессивные формы хозяйственной деятельности и культуры [4, с. 17-17].

Список литературы

1. Kim E. L. (2013). Saints for Shamans? Culture, Religion and Borderland Politics in Amuria from the Seventeenth to Nineteenth Centuries. *Central Asiatic Journal*. 2013, no. 56, pp. 169-202.
2. Peschurof, Permikin, Shenurin, Vasilief, Radde, Uoltzof, Pargachefski, Mr. Mitchel. Notes on the River Amur and the Adjacent Districts. *The Journal of the Royal Geographical Society of London*. 1858, no. 28, pp. 376-446.
3. Tolmacheva M. (2000). The Early Russian Exploration and Mapping of the Chinese Frontier. *Cahiers du Monde russe*. 2000, no. 41(1), pp. 41-56.
4. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) / В.А. Александров – Москва : Наука, 1969.
5. Аргудяева Ю.В. Этническая история русских Приамурья (50-80-е годы XIX в.) / Ю.В. Аргудяева // *Личность. Культура. Общество*. – 2011. – №2(8). – С. 70-90.
6. Артемьев А. Р. Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII-XVIII вв. и типы оборонительных сооружений / А.Р. Артемьев // *Отечественная история*. – 1998. – №5. – С. 140-147.
7. Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в. / С.В. Бахрушин – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1927.
8. Брумфилд У. Кяхта / У. Брумфилд // *Родина*, – 2011. – №12. – С. 20-24.
9. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова, Л.А. Русские и китайцы: эмиграционные процессы на Дальнем Востоке / А.П. Забияко, Р.А. Кобызов, Л.А. Понкратова. – Благовещенск : Амурский государственный университет, 2009.
10. Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья / А.П. Окладников, А.П. Деревянко. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство Владивосток, 1973.
11. Пастухов А.М. Маньчжурская администрация в землях Нингуты и вассальных владениях в Приамурье (1610-1660) / А.М. Пастухов // *Общество и государство в Китае*. – 2009. – №39 (1). – С. 109-121.
12. Ремнёв А.В. Дальневосточный реванш Муравьева-Амурского / А.В. Ремнёв // *Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII – XIX вв. Историко-археологические исследования*. – 2007. – Часть 2. Том 5. – С. 206-240.
13. Романова А.П. Специфика межкультурных коммуникаций на фронтирных территориях / А.П. Романова // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2015. – №3(44). – С. 266-271.
14. Тёрнер, Ф. Д. Фронтир в американской истории / Ф.Д. Тёрнер. – Москва: Весь мир, 2009.
15. Ципоруха М. И. Покорение Сибири. От Ермака до Беринга / М.И. Ципоруха. – Москва: Вече, 2013.
16. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Том первый / Л.И. Шренк. – Санкт-Петербург: Императорская академия наук, 1883.

17. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н.М. Ядринцев. – Санкт-Петербург : Издание И.М. Сибирякова, 1892.
18. Якушенков С.Н. Топофилия vs топофобия как когнитивные парадигмы фронтального пространства / С.Н. Якушенков // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – №3 (44). – С. 261-266.
19. Якушенков С.Н. Культурные процессы в гетеротопных пространствах (на примере нижнего Поволжья) / С.Н. Якушенков // Кочевые народы юга России: Исторический опыт и современность. – 2016. – №1. – С. 419-422.
20. Якушенков С.Н. На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят / С.Н. Якушенков // Journal of Frontier Studies. – 2016. – №4. – С. 7-32.
21. Якушенков С.Н., Романова А.П. Хоррористический ландшафт Хоры, или Платон vs Тёрнера / С.Н. Якушенков, А.П. Романова // Вопросы философии. – 2016. – №12.
22. Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. Изобилие ресурсов как одна из черт фронтальных территорий / С.Н. Якушенков, А.П. Романова // Вопросы социальной теории – 2013. – №2. – С. 4-15.
23. Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. (2010). Американский фронт и российские аналоги в Поволжье и на Нижней Волге / С.Н. Якушенков, О.С. Якушенкова // Каспийский регион: политика, экономика, культура – 2010. – №1. – С. 109-115.

ВСТРЕЧА С ЧУЖИМ НА ФРОНТИРЕ: РОССИЙСКИЙ И ЯПОНСКИЙ ОПЫТ ФРОНТИРНОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

Павленко Надежда Владимировна,
ООО «ЛУКОЙЛ-Нижневолжскнефть», г. Астрахань

В нашем представлении сложилось восприятие Японии как гомогенного общества, в котором нет места другим народам. Да и сами японцы стараются подчеркнуть гомогенность своей культуры. Вместе с тем, история Японии – это длительный процесс взаимодействия с различными народами, издревле живущими на Японских островах. Даже краткое знакомство с японской историей дает понимание того, насколько сложна и запутанна этническая история японцев, и насколько разнообразно влияние других народов, проживавших и проживающих до сих пор на территории Японии.

И в этом плане мы вынуждены признать, что японская история, хотя и уникальна, но не значительно отличается от того исторического опыта, который был, например, у англичан, американцев, русских и т.д. Исторические источники показывают, что у японцев был свой фронт и свой очень длительный процесс фронтальной коммуникации, со своими вариантами взаимодействия с Чужим.

Как нам кажется, при всем различии в культурном ландшафте наших народов, существует множество общих моментов, которые необходимо изучать, для создания наиболее оптимальной модели культурного взаимодействия. На это указывал и российский историк С.Н. Якушенков, считающий, что «фронт – есть проявление ранее существовавших универсалий, которые в конечном итоге и «оформляют» это культурно-историческое явление» [3, с. 290].

Ну а коль скоро это культурная универсалия, то тем важнее изучить различные границы и варианты проявления этого феномена. Именно компаративистика может помочь справиться с этой задачей. Сравнивая российский и японский фронты мы можем выявить как прошлые, так и современные аспекты проявления фронта как особой культурной парадигмы. Почему именно российский фронт, и, прежде всего его нижневолжский вариант? Говоря об американском фронте, мы вынуждены анализировать относительно молодое явление, особенно если брать его в варианте освоения Дикого Запада. Нижневолжский фронт, также, как и японский фронт, имеют более древнюю историю. Кроме того, если в случае с американским фронтом XIX в. в культурном взаимодействии участвует ограниченное количество акторов, то и в нижневолжском, и в японском фронтах мы можем наблюдать огромное количество самых различных типов и видов фронта на протяжении очень длительного периода. В них (особенно это касается нижневолжского фронта) может участвовать самые различные акторы, что порождает и порождает различные виды межкультурного взаимодействия. Кроме этого, беря для сравнения с японским фронтом нижневолжский фронт, мы можем основываться уже на имеющемся опыте анализа этого феномена в региональном аспекте, проведенного С.Н. Якушенковым и О.С. Якушенковой [4]. Кроме этого, вышеуказанными авторами была проведена и региональная фронтальная типология, построенная на основе гендерного анализа [10].

В то же время фронтальные процессы в Японии еще нуждаются в осмыслении. Они весьма сложны, как в плане типологии, так и не в полной мере подкреплены доступными источниками, о чем мы будем говорить позднее. Однако, именно этот аспект и делает данный анализ весьма актуальным.

Хотя в своем исследовании мы и опираемся в основном на фронтальную теорию, предложенную Ф. Дж. Тёрнером, однако, в определении фронта мы исходим из нескольких иных позиций, выраженных австрийский историком А. Каппелером, считающим, что «сегодняшнее внимание к фронту связано, прежде всего, с его опытом зоны коммуникации и взаимодополняющего экономического, социального, культурного и политического взаимодействия между обществами с различной спецификой» [2, с. 49]. Если Тёрнеровский подход к изучению фронта делал основной упор на его условиях, формировавших особого фронтального человека и фронтальные институты, которые в свою очередь повлияли на формирование современной политической, экономической и культурной системы в США, то подход, выраженный А. Каппелером и многими другими современными исследователями фронта, свой фокус внимания направляет на межкультурную коммуникацию. В этом аспекте фронт гораздо больше, чем простое освоение белыми колонистами малозаселенных земель, это взаимодействие местного и пришлого населения, это

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ 17-33-01069 «а2»: «Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации».